

ПАМЯТИ ДЕКАБРИСТОВ. *)

Русское поколѣніе декабристов испытало сильнѣйшее вліяніе французскихъ освободительныхъ идей, вліяніе того 18 вѣка, который, по знаменитому изреченію, долженъ былъ бы цѣликомъ найти мѣсто въ Пантеонѣ. Здѣсь и надо искать одинъ изъ главныхъ идеологическихъ источниковъ декабрьской революціи. Это послѣднее слово не должно казаться слишкомъ сильнымъ въ примѣненіи къ явленію, которое не всегда упоминается въ курсахъ всеобщей исторіи.

Есть два рода революцій. Однѣ развиваются грозно, длятся годами, добиваются того, что считаютъ успѣхомъ. Другія гибнутъ в самом началѣ — и, быть может, онѣ-то и есть самыя возвышенныя революціи. Онѣ не знали страшнаго испытанія удачи, и нѣтъ в нихъ наслѣдіи крови, звѣрствъ, эшафота... Онѣ остаются незапятнаннымъ выраженіемъ идеи... Къ тому же, что такое революція? Проф. Олар, в одной изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ работъ, далъ прекрасное опредѣленіе этого понятія. Онъ говоритъ:

«Мнѣ кажется, что факты, собранныя в моей книгѣ, освобождаютъ отъ двусмысленности понятіе французской революціи. Вошло въ обычай обозначать однимъ именемъ, какъ принципы, составляющіе французскую революцію, и дѣйствія, согласныя съ этими принципами, такъ и періодъ, в теченіе котораго французская революція совершалась, со всѣми ея актами, соответствующими и несоответствующими этимъ принципамъ. Подобное смѣшеніе понятій было столь же неправильно, сколь выгодно для сторонниковъ реакціи, ибо оно позволяло приписывать революціи (разсматриваемой, какъ нѣкое историческое лицо) самыя дурныя и даже самыя контр-революціонныя дѣйствія. Что можетъ быть, на примѣр, контр-революціоннѣе, чѣмъ казнь эбертистовъ и дан-

*) Статьи М. А. Алдапова, П. Н. Миллюнова, С. П. Мельгунова и В. А. Мякотина представляютъ собой воспроизведеніе рѣчей, произнесенныхъ на торжественномъ засѣданіи Акад. Союза в Сорбоннѣ 27 декабря 1925 г.

токистов или чѣм отмѣна всеобщаго избирательнаго права в III году? И тѣм не менѣе часто говорят: «Революція» казнила Эбера и Дантона, Революція уничтожила демократію... Я думаю, что теперь термины выяснены: Революція заключается в Декларации прав, составленной в 1789, дополненной в 1793 году, и в попытках ея осуществленія; а контр-революція — это попытки отклонить французов от дѣйствій, сообразных с принципами Декларации Прав, т. е. с разумом, просвѣтленным исторіей».*)

Как мы были бы рады, мы, *si-devant*'ы 1917 года, еслиб это превосходное опредѣленіе примѣнялось — всѣми — не только к событіям конца 18 вѣка, но и нынѣшним русским событіям. Быть может, удалось бы наглядно установить, что не всѣ дѣйствія совѣтскаго правительства вполне соотвѣтствуют Декларации прав челоуѣка и гражданина. Тогда вопрос о большевистской революціи получил бы, вѣроятно, не то освѣщеніе, которое ему порою дается в нѣкоторых кругах Запада. Может быть, ее даже признали бы тогда самой черной контр-революціей.

Декабрьская революція вполне отвѣчала опредѣленію г. Олара. Ей очень не посчастливилось: темнота народных масс, ошибки вождей, «Его Величество случай», значеніе котораго почти не поддается оцѣнкѣ, — все было против декабристов. Они потерпѣли пораженіе. Что с того? Много ли оставила исторія от дѣл побѣдителей декабристов? Личная судьба людей не имѣет рѣшающаго значенія. Вспомним слова, сказанныя незадолго до смерти Сен-Жюстом: «Презираю прах, из котораго состоит мое тѣло. Меня могут казнить. Но кто отнимет от меня ту свободную жизнь, которую я сам себѣ создал в небесах и в вереницѣ грядущих столѣтій!»

Историческая цѣнность революцій зависит от трех обстоятельств: от того, что онѣ разрушают, от того, что онѣ создают, и от легенды, которую онѣ послѣ себя оставляют. Лѣтъ пятнадцать тому назад, в этой самой залѣ, на засѣданіи ученаго общества, гдѣ предсѣдательствовал г. Олар, я слышал рѣчь Жореса. Рѣчи этого оратора не забываются. Жорес говорил о легендѣ французской революціи... «Эта легенда наше національное богатство!» — воскликнул он... Декабристы ничего не разрушили и ничего не создали. Цѣнность того, что они сдѣлали, заключается всецѣло в их легендѣ. Но этого достаточно.

*) A. Aulard. Histoire politique de la Révolution française (p. 783).

У Мишле есть прекрасная страница о декабристах. Он знал о них очень мало. Декабрьское возстаніе в свое время произвело сильное впечатлѣніе в Европѣ, особенно во Франціи. Я недавно просматривал номера разных газет, Le Constitutionnel, Le Journal des Débats, за 1826 г. Первое извѣстіе о петербургской революціи вызвало в Парижѣ чрезвычайную сенсацию. На биржѣ произошла паника, министерство де-Виллеля пошатнулось. Но газетные рассказы и слухи носили полуфантастическій характер. Точно никто ничего не знал. Мишле о декабрьском дѣлѣ был освѣдомлен немногим лучше, чѣм парижскіе журналисты 1826 года. Тѣм не менѣе он угадал главное. Он нашел удивительныя слова, — этими словами я и кончу. Мишле сказал, что декабристы были повѣшены глубокой ночью. Этот образ его поразил: Россія спала в то время, когда за нее умирали. Ему сказали, что Рылѣев в послѣднюю минуту усомнился в своем дѣлѣ... Позвольте же привести заключительныя слова Мишле:

«Нѣтъ, не сомнѣвайтесь, великій человек! Вы были в тот день совѣстью Россіи, ея пророческой мыслью. То, что Россія будет думать впоследствии, было в геніи Пестеля и в сердцѣ Рылѣева. В вас была душа русскаго народа в его прошлом и особенно в его будущем. Вы имѣли право за нее говорить и дѣйствовать. Почему? Потому что вы и она --- одно!...»

М. Алданов.